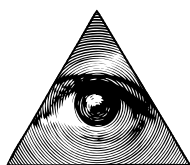


> МАГИСТРАЛЬ >

ДЖО ХИЛЛ

Рога



Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

X45

Joe Hill

HORNS

Copyright © 2010 by Joe Hill

Published by arrangement with William Morrow,

an imprint of HarperCollins Publishers, Inc

Дизайн Елены Куликовой

Перевод Михаила Пчелинцева

Хилл, Джо.

X45 Рога / Джо Хилл ; [перевод с английского М. Пчелинцева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-197569-2

Однажды утром Иг Перриш проснулся с ужасным похмельем, мигренью... и парой дьявольских рогов, растущих из головы. Сначала Иг подумал, что это галлюцинация, рожденная яростью и горем. Последний год он провел в мучениях, потеряв свою возлюбленную Меррин Уильямс, которую жестоко изнасиловали и убили при невыясненных обстоятельствах. Но богохульные рога слишком реальны, чтобы списывать их на психический срыв.

Теперь Иг обладает ужасной новой силой, подходящей к его новому демоническому облику, — жутким талантом, который он намерен использовать, чтобы найти чудовище, убившее Меррин и разрушившее его жизнь. Попытка быть хорошим мальчиком и молиться о лучшей жизни ни к чему не привела. Пришло время для небольшой мести... Пришло время дьяволу взять то, что ему причитается.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-197569-2

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Леоноре — как всегда, с любовью

Сатана — это один из нас, значительно больше, чем Адам или Ева.

Майкл Чабон.
О демонах и прахе

Часть первая

АД

1

Игнациус¹ Мартин Перриш целую ночь бухал и занимался всяким непотребством. Он проснулся наутро с дикой головной болью, приложил руки к вискам и нащупал что-то незнакомое, пару заостренных шишек. Ему было настолько плохо — слабость, и глаза слезились, — что сперва он почти не обратил на эти шишки внимания. Похмелье не оставляло места для иных беспокойств.

Но когда, уже в туалете, он взглянул на свое отражение в зеркале, висевшем над раковиной, то увидел, что за время сна у него выросли рога. От удивления он пошатнулся и вторично за двенадцать часов намочил себе на ноги.

2

Он натянул шорты цвета хаки — вся одежда была еще вчерашняя — и наклонился над раковиной, чтобы рассмотреть эту новость получше. Рога-то, в общем, были не слишком роскошные, длиною каждый с мизинец, толстые у основания, заостренные на концах и чуть изогнутые кверху. Их плотно обтягивала его

¹Ignatius (лат.) — огненный.

собственная, ненормально светлая кожа, кроме самых кончиков, которые были воспаленно-красными, словно совсем уже собрались проколоть кожу. Боязливо потрогав один из них, он обнаружил, что кончики чувствительны, даже немного болезненны. Проведя пальцами по каждому из рогов, он ощутил под туго натянутой кожей плотную кость.

Он сразу подумал, что каким-то образом сам навлек на себя эту напасть. Вчерашней ночью он забрел в лес аж за старую литейную мастерскую, к тому месту, где была убита Меррин Уильямс. Об этом напоминало черное полузасохшее вишневое дерево, кора на котором кое-где облупилась, обнажая древесную плоть. Вот в таком виде была тогда и Меррин: из-под сорванной одежды виднелась плоть. Тут были ее фотографии, деликатно развешанные по веткам вишни, а также памятные карточки, покореженные дождем, испятнанные и выгоревшие. Кто-то — наверное, ее мамаша — оставил декоративный крест с привязанными к нему желтыми нейлоновыми розами и пластиковой Пречистой Девой, улыбавшейся блаженной придурочной улыбкой.

Его бесила эта улыбочка. Его бесил и этот крест, установленный на месте, где Меррин умерла от кровотечения из расшибленной головы. Крест с желтыми розочками, долби его конем, — это вроде как электрический стул с подушками в цветочек, дурная шутка. Его смутно тревожило, что кто-то обеспокоился ввязать в это дело и Христа: Христос появился здесь на год позже, чем следовало бы. Когда Меррин в нем нуждалась, его тут что-то не было.

Иг сорвал декоративный крест и злобно его растоптал. А тут, кстати, и поссать захотелось, что он и сделал, стараясь попасть на Деву, но попутно с пьяных глаз обмочив и свою ногу. Возможно, уже это было достаточно святотатственно, чтобы навлечь на себя такое преобразование. Но нет, он чувствовал: здесь есть

что-то большее. Что именно — он был не в силах сообразить. Ему нужно было о многом подумать.

Он покрутил голову туда-сюда, изучая себя перед зеркалом, раз за разом трогая пальцами рога. Сколько тут этой кости? И нет ли у рогов корней, прорастающих в мозг? При этой мысли в ванной потемнело, словно висевшая над головой лампочка почти перестала светить. Но это продолжалось недолго, тьма была не в лампочке, а у него в глазах, у него в голове. Иг крепко вцепился в раковину и стал терпеливо ждать, пока слабость пройдет.

И тут он все понял. Он умирает. Ну конечно же, он умирает. Что-то вторглось ему в мозг, наверное, опухоль. Никаких рогов в действительности не было — просто метафора, воображение. Его мозговые клетки пожирает опухоль, вот ему и мерещится всякое. И если он дошел уже до того, что лицезреет видения, то спастись, пожалуй, уже невозможно.

Мысль о том, что он, возможно, вскоре умрет, принесла с собой волну облегчения, родственную тем чувствам, которые испытываешь, выныривая на поверхность после излишне долгого пребывания под водой. Иг однажды почти утонул и с самого детства задыхался от астмы, для него это облегчение было простым и понятным, как возможность дышать.

— Я болен, — выдохнул он. — Я умираю.

Сказав это вслух, он улучшил себе настроение.

Он снова изучил себя в зеркале, почти ожидая, что рога исчезнут, ведь он же знает, что они галлюцинация, но ничего не вышло. Рога остались. Он поворошил свои волосы, пытаясь разобраться, нельзя ли хоть как-нибудь скрыть их, хотя бы до визита к врачу, но затем бросил это занятие, сообразив, до чего же это глупо — прятать то, чего не видит, кроме него, никто.

Еле переставляя трясущиеся ноги, он вернулся в спальню. С обеих сторон кровати постельное белье

было отброшено, и нижняя простыня еще хранила скомканный отпечаток Гленны Николсон. В его памяти не сохранилось, как он ложился с ней в постель, и даже то, как он вообще вернулся домой, — еще одна исчезнувшая часть этой ночи. До этого момента он искренне считал, что спал один и что Гленна провела эту ночь где-то еще. *С кем-то* еще.

Прошлой ночью они с ней вышли в город вместе, но, приняв на грудь несколько рюмок, Иг, естественно, начал думать о Меррин, ведь через несколько дней была годовщина ее смерти. И чем больше он пил, тем больше тосковал по ней — и тем яснее осознавал, насколько Гленна от нее отлична. Со своими татуировками и приклеенными ногтями, своей полочкой, полной романов Дина Кунца, своими сигаретами и длинным списком приводов в полицию, Гленна была воплощенной не-Меррин. Ига раздражало, что она сидит с ним за одним столиком, это казалось ему предательством, хотя было не совсем ясно, кого это он предает — Меррин или себя. В конце концов он решил смыться; Гленна раз за разом поглаживала пальцем косточки его кулака — жест, задуманный как нежный, но почему-то доводивший его до бешенства. Он пошел в туалет, спрятался там минут на двадцать, а вернувшись за столик, никого за ним не нашел. Он сидел и пил еще примерно час и наконец сообразил, что она не вернется и что он об этом не жалеет. И вот оказывается, что где-то ночью они с ней оказались в одной кровати — кровати, на которой спали вместе уже три последних месяца.

В соседней комнате балаболит телевизор. Значит, Гленна еще была дома, не ушла в свою парикмахерскую. Он попросит ее довести его до врача. Облегчение, нахлынувшее при мысли о смерти, быстро прошло, и он уже страшился неизбежного будущего: как отец будет мужественно стараться не плакать, а мать будет надевать маску деланой жизнерадостности, и

все эти капельницы, процедуры, радиация, постоянная тошнота, больничная еда.

Иг прошел в соседнюю комнату, где сидела на кушетке Гленна в топе с надписью Guns N' Roses и вылинявших пижамных штанах. Поставив локти на кофейный столик, она подалась всем телом вперед и запихивала в широко открытый рот остатки пончика. На столике стояли коробки с трехдневными магазинными пончиками и двухлитровая бутылка диетической кока-колы. Она смотрела дневное ток-шоу.

Услышав, как он вошел, Гленна бросила на него укоризненный взгляд и снова уставилась в телевизор. Сегодняшняя программа называлась «Мой лучший друг — социопат». Вислобрюхие деревенские мужики готовились швыряться друг в друга стульями.

Рогов Гленна не заметила.

— Кажется, я болен, — начал Иг.

— Не канючь, — сказала Гленна. — У меня у самой с похмелья голова трещит.

— Нет. Я в смысле... взгляни на меня. Я нормально выгляжу?

Он спрашивал потому, что хотел быть уверенным.

Гленна медленно повернула голову и взглянула на него исподлобья. На ней все еще был вчерашний грим, немного размазанный. У Гленны было гладкое, приятное округлое лицо и гладкое, приятных форм тело. Она почти могла бы работать моделью, если бы надо было рекламировать и фасоны, и размер. Она весила больше Ига фунтов на пятьдесят. И дело тут было не в ее толщине, а в его дурацкой костлявости. Она любила жариться из верхнего положения и, поставив локти Игу на грудь, выдавливала из него практически весь воздух, бездумный акт эротической асфиксии. Иг, которому и так часто не хватало дыхания, знал весьма знаменитых людей, погибших от эротической асфиксии. Как ни странно, это были по преимуществу музыканты. Кевин Гилберт. Хидэто Мацумото, по

всей вероятности. О Майкле Хатченсе, конечно же, в данный момент вспоминать не хотелось. Дьявол внутри. Внутри каждого из нас¹.

— Ты еще не очухался? — спросила Гленна.

Когда Иг не ответил, она покачала головой и снова уставилась на экран.

Так что все было ясно. Если бы она их видела, то вскочила бы на ноги и заорала. Но она их не видела просто потому, что их не было. Они существовали только в Иговом мозгу. Возможно, взгляни Иг сейчас на себя в зеркало, он бы тоже их не увидел. Но когда Иг взглянул на свое отражение в оконном стекле, рога оказались на прежнем месте. Из глубины стекла на него тарачилась блестящая полупрозрачная фигура, некий демонический дух.

— Думаю, мне нужно к врачу, — сказал он Гленне.

— А ты знаешь, что нужно *мне*? — спросила она.

— Что?

— Еще один пончик, — сказала Гленна, заглянув в открытую коробку. — Как ты думаешь, еще один пончик будет о'кей?

— А что тебя держит? — спросил Иг ровным незнакомым голосом.

— Я уже съела один и совсем не голодна. Я просто хочу его съесть. — Гленна повернула голову и взглянула на него перепуганно-жалко и умоляюще. — А я бы хотела съесть всю коробку.

— Всю коробку, — повторил Иг.

— Я не хочу даже пользоваться руками. Мне хочется просто залезть в коробку мордой и жевать. Я знаю, что это грубо и некрасиво. — Она пересчитала пончики, трогая их поочередно пальцем. — Шесть. Думаешь, это будет о'кей, если я съем еще шесть пончиков?

¹ Аллюзия на песню Devil Inside австралийской группы INXS, лидер которой, Майкл Хатченс, повесился в 1997 г.

Игу с трудом думалось о чем-либо, кроме собственной тревоги и ощущения тяжести в висках. То, что она сейчас сказала, не имело никакого смысла, было еще одной частью противоестественного, похожего на дурной сон утра.

— Если ты сейчас треплешься, так лучше кончай. Я же сказал тебе, что плохо себя чувствую.

— Я хочу еще один пончик, — сказала Гленна.

— Ну и с богом, вперед. Это ничуть меня не колышет.

— Ладно, так я и сделаю. Если ты думаешь, что это нормально.

Гленна вытряхнула из коробки пончик, разорвала его на три части и начала жевать, засовывая в рот кусок за куском и даже не глотая.

Вскоре у Гленны во рту оказался весь пончик, ее щеки надулись. Она негромко поперхнулась, глубоко втянула воздух носом и начала глотать. Иг взирал на это с отвращением. Прежде он ни разу не видел, чтобы она делала что-нибудь подобное, да и вообще не видел, чтобы кто-нибудь делал что-нибудь подобное с того времени, как они младшеклассниками дурачились в школьной столовой. Покончив с пончиком, Гленна несколько раз судорожно вздохнула, обернулась и бросила на него тревожный, озабоченный взгляд.

— Мне это даже не нравится, — сказала она. — Живот заболел. Как ты думаешь, съесть мне еще один?

— Зачем тебе есть этот пончик, если у тебя живот болит?

— Чтобы растолстеть по-настоящему. Не так, как сейчас. Растолстеть так, чтобы ты не хотел иметь со мной никакого дела. — Кончик ее языка высунулся и потрогал верхнюю губу — это был признак крайней задумчивости. — Прошлой ночью я сделала нечто отвратительное. Я хочу тебе об этом рассказать.

У Ига снова промелькнула мысль, что в действительности ничего этого не происходит. У него своего

рода горячечный бред, навязчивый и настоятельный, убедительный в мельчайших деталях. По экрану телевизора пробежала муха. За окном по улице прошуршала машина. Один момент естественным образом следовал за другим, все это складывалось в реальность. Иг был спец по сложению. В школе математика давалась ему лучше всего, после этики, которую и за предмет-то трудно считать.

— Пожалуй, мне не хочется знать, что ты там натворила.

— Потому-то я и хочу рассказать. Чтобы тебя затошнило. Чтобы дать тебе предлог уйти. Меня буквально бесит то, что тебе пришлось пережить и что о тебе говорят, но я уже не в силах просыпаться по утрам с тобой под боком. Я просто хочу, чтобы ты ушел, и если рассказать тебе, что я сделала, рассказать эту мерзость, то ты уйдешь, и я снова буду свободна.

— А что обо мне говорят люди?

Иг задал этот глупый вопрос, ответ на который был ему слишком известен.

— Про то, что ты сделал с Меррин. Про то, что ты сдвинутый сексуальный маньяк и всякое в этом роде.

Иг смотрел на нее как зачарованный. Каждая ее новая реплика была кошмарнее предыдущей — и с какой легкостью она ему все это выкладывала. Без малейшего стыда или неловкости.

— Так что же ты хотела мне сказать?

— Прошлой ночью, когда ты куда-то исчез, я наткнулась на Ли Турно. Помнишь Ли, с которым я гуляла в старших классах?

— Помню, — кивнул Иг.

Они с Ли были в другой его жизни друзьями, но все это осталось в прошлом, умерло вместе с Меррин. Весьма затруднительно поддерживать с кем-то близкую дружбу, когда тебя подозревают в том, что ты сексуальный маньяк и убийца.

— Прошлой ночью он был там же, в «Стейшн-хаусе», и, когда ты исчез, он мне поставил. Я не общалась с Ли уже целую вечность и совсем забыла, как легко с ним говорить. Ты же знаешь Ли, он ни на кого не глядит свысока. Он был со мной очень мил. Ты все не шел и не шел, и через какое-то время он сказал, что поищем тебя снаружи, а если тебя там нет, то он отвезет меня домой. Но когда вышли, мы стали целоваться, целоваться вовсю, как в те времена, когда мы с ним гуляли, и у меня голова пошла кругом, и я отсосала ему прямо там, на глазах у парней. Я в жизни не делала ничего такого психованного, разве что когда была девчонкой и сильно под кайфом.

Игу нужна была помощь. Ему нужно было уйти из этой квартиры. Здесь было слишком душно, невидимая рука стискивала ему грудь.

Гленна вновь наклонилась над коробкой с пончиками, лицо ее было совершенно безмятежным, словно она ему рассказала нечто не слишком важное: что у них кончилось молоко или не течет горячая вода.

— Думаешь, ничего, если я съем еще один? — спросила она. — Живот вроде бы получше.

— Делай что хочешь.

Гленна повернула голову и взглянула на него. Ее светло-серые глаза блестели неестественным возбуждением.

— Ты это серьезно?

— Мне по хрену, — сказал Иг. — Жри, трескай, хавай.

Гленна улыбнулась, на ее щеках обозначились очаровательные ямочки, а затем наклонилась над столом, придерживая одной рукой коробку, сунулась в коробку лицом и начала есть. Она ела шумно, прищлепывая губами и натужно дыша. Вскоре она снова поперхнулась, ее плечи дернулись, но она продолжала есть, проталкивая в рот все новые и новые пончики, хотя